

ДИСКУССИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2012. № 1 (1). С. 178–202

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 902(571.5)

Ситуации «перерывов» в археологии. Возможности интерпретаций (Байкальская Сибирь)*

Н. Е. Бердникова

Иркутский государственный университет

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

Аннотация. Рассматриваются ситуации культурных лакун (отсутствие или малочисленность объектов) или «археологических перерывов» на примере заключительной стадии позднего палеолита и неолита Байкальской Сибири. Проводится сравнительный анализ двух моделей развития культур и причин формирования «археологических перерывов». Установлено, что такие перерывы отражают неординарность природных и социокультурных ситуаций и требуют повышенного исследовательского внимания.

Ключевые слова: «археологический перерыв», модель, заключительная стадия позднего палеолита, неолит, Байкальская Сибирь.

Введение

Наличие лакун (отсутствие или малочисленность объектов) в общей схеме культурного развития на определённых территориях в тот или иной временной интервал используется в археологии для формирования различных объяснительных моделей. С одной стороны – это модели заселения и освоения территорий [Деревянко, 2005а, 2005б, 2006, 2007, 2010; Лаухин, Фирсов, 2010; Павлов, 2009; Путь на Север ..., 2008; Человек заселяет планету ..., 1997]. С другой стороны – модели «археологического перерыва» или «хиатуса», которыми объясняется культурная динамика на определенных территориях. Такая ситуация наиболее характерна для американо-канадской археологии [Тетенькин, 2007, с. 19].

Более четко проблемы «археологических перерывов» оформились в связи с массивным радиоуглеродным датированием археологических данных, позволившим составлять детальные хронометрические шкалы. «Археологические перерывы», как миграции и диффузии [Clark, 1994], могут быть обусловлены различными факторами и причинами и объяснены с разных позиций: 1) недостаточной изученностью территории; 2) определённой природной или культурной палеоситуацией, которые повлияли на заселенность тер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 77.

ритории; 3) концептуальными установками исследователей, с позиций которых оцениваются те или иные явления, события, процессы. В практике археологического исследования объяснения всех перерывов, как правило, сводятся ко второй позиции и основываются на моделировании прежде всего природной палеоситуации. Например, аридизацией климата Дж. Мелларт объяснял отсутствие преемственности (перерыв) между культурами бескерамического и керамического периода в Палестине [Трифонов, Караханян, 2004, с. 50].

В российской археологии преобладает имплицитное использование этого понятия, которое выступает как простая констатация имеющейся ситуации. Но в последние годы возрос исследовательский интерес к сюжетам «археологических перерывов». Можно отметить работы А. Н. Сорокина, посвященные проблемам финального палеолита Центральной России [Сорокин, 2006а, 2006б, 2006в].

Для территории Байкальской Сибири существует дискретная схема развития палеолитических культур [Медведев, 1983; Медведев, Воробьева, 1998]. Отсутствие или малочисленность геoarхеологических объектов нижнего – среднего палеолита мы пока можем объяснить неординарностью геологического развития территории и малодоступностью отложений раннего, среднего и первой половины верхнего плейстоцена и, вероятно, этапным освоением территорий Северной Азии [Дервянко, 2011]. Ранние отделы позднего палеолита до недавнего времени также были представлены немногочисленными материалами. Лишь в последние годы произошло резкое увеличение количества геoarхеологических объектов этого возраста [Бердникова, Роговской, 2009; Некоторые итоги изучения ..., 2007; Палеолитическое местонахождение ..., 2007; Когай, Ощепкова, Роговской, 2008; Исследования нового палеолитического..., 2009; Результаты исследований палеолитического ..., 2011]. Но полученные данные еще не позволяют определить даже генерализованную схему развития культур начальной поры позднего палеолита.

Завершающие этапы позднепалеолитических культур (сартанское время) также были неравноценно обеспечены археологическими материалами, что позволило констатировать факт «перерыва». Относительно равномерный эволюционный ряд сформировался для голоценовых культур Байкальской Сибири – от мезолита до средневековья [Горюнова, 1984; Мезолит Верхнего Приангарья ..., 1971, 1980; Николаев, 2003, 2004; Окладников, 1950, 1955; Савельев, 1989; Харинский, 2001а, 2001б, 2001в]. Но и в этом временном интервале интенсивное радиоуглеродное датирование позволило определить «перерыв» в развитии неолитических культур и сформировать модель их существования на территории Байкальской Сибири на основе «хиатуса» как базового объяснительного конструкта [Prehistoric Foragers ..., 2003, Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010].

Ситуации и модели «археологических перерывов» Байкальской Сибири

Финальнопалеолитический «археологический перерыв». В оценке развития позднепалеолитических культур Байкальской Сибири существовал и, можно сказать, существует исследовательский феномен или стереотип перерыва. Еще А. П. Окладников объяснял отсутствие связи между Мальтой и более поздними докерамическими стоянками Ангары как «перерыв традиций» [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 21]. До сих пор существует мнение, что на территории Прибайкалья как части Байкальской Сибири в сартанское время (МИС 2) практически отсутствуют стратифицированные местонахождения в диапазоне 17–12 тыс. л. н., а немногочисленные объекты этого времени находятся в начальной стадии изучения [Радиуглеродная хронология..., 1997, с. 87; Лисицын, 2000, с. 123]. Или, что между классической и финальной фазами позднего палеолита (ранним мезолитом) существовала почти «десятитысячелетняя лагуна» и II–IV к. г. (культуросодержащие горизонты) Красного Яра-I были единственным репером среднего сартана на все Южное Приангарье «как одинокий “форпост” древней культуры» [Медведев, 1983]. Финал же палеолита для Прибайкалья охарактеризован редкими проявлениями культуры на уровне 14–13 тыс. л. н. – Кулаково I, Тартахон [Медведев, 1983]. «После Мальты, Бурети, Красного Яра-I и Соснового Бора (горизонт V) до 12 тысячелетия от н. д. археология обширной среднесибирской территории представлена небольшими по объему и «вялыми» по морфологии артефактами» [Medvedev, 1998, Цит. по: А. Г. Генералов, 2000, с. 101].

В отличие от Прибайкалья, где культуры заключительной стадии позднего палеолита были изучены слабо, на близлежащих территориях – в долине Енисея [Палеолит Енисея ..., 1991] и в Забайкалье [Константинов, 1994] – этот период позднего палеолита обеспечен достаточно большим количеством археологических объектов и проблема «сартанского» перерыва не отмечена.

К началу 70-х гг. XX в., как казалось, для Байкальской Сибири была решена проблема развития культур финала плейстоцена – раннего голоцена, выделены «бадайская» и «верхоленская» мезолитические культуры [Медведев, 1968; Аксенов, 1969; Мезолит Верхнего Приангарья ..., 1971; 1980]. В дальнейшем по руководящим формам артефактов к мезолиту (период между 12 и 7 тыс. л. н.) на территории Прибайкалья было отнесено более 100 геоархеологических объектов [Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1975]. Как ни странно, максимальное исследовательское внимание к завершающему этапу в развитии докерамических культур Прибайкалья и привело к формированию проблемной ситуации «археологического перерыва».

Сравнительный анализ с синхронными культурами других территорий Северной Азии показал, что описанные для байкальского мезолита руководящие культурные признаки (*fossile directeur*) являются характерными и для более ранних позднепалеолитических культур не только байкальского региона, но и всей Северной Азии. Произошел размыв понятий «бадайская» и «верхоленская» культуры [Бердникова, 2003].

Работы последнего десятилетия позволили по-иному взглянуть на древние культуры южной части Байкальской Сибири. Исследованы новые объекты, обеспеченные широким спектром данных; пересмотрены и уточнены хронологические позиции и ранее известных комплексов. Это дало возможность преодолеть почти хрестоматийные представления о практическом отсутствии здесь культур в интервале 17–12 тыс. л. н. и определить юг Байкальской Сибири как опорный район для дальнейших исследований культур заключительной стадии позднего палеолита. Предложена модель развития культур заключительной стадии позднего палеолита юга Байкальской Сибири [Бердникова, 2000, 2002, 2003, 2006, 2011; Позднеледниковье и раннее послеледниковье ..., 2005]. Культурная наполненность и степень изученности заключительной стадии позднего палеолита Байкальской Сибири неодинакова. В силу специфики археологического поиска почти все известные стоянки этого возраста расположены по бортам притоков первого порядка магистральных водотоков (за исключением Верхней Лены), потому что большая часть долины р. Ангары затоплена.

Наиболее представительная группа объектов заключительной стадии позднего палеолита располагается в долине р. Белой и на прилегающих к ней участках верхнего течения р. Ангары (нижние горизонты Усть-Белой, Галашиха, Сосновый Бор, Мальта-Мост 1, Бадай V, Черемушник II, Кулаково и др.). Небольшое количество таких объектов известно на Верхней Лене (Макарово 2, Шишкино 2, 3, Кистеневский комплекс местонахождений), на Северном Байкале (Курлинские местонахождения), в среднем течении Витима (Большой Якорь 1).

Возраст комплексов заключительной стадии позднего палеолита определялся по их стратиграфической позиции в отложениях, корректировался радиоуглеродными датировками, что позволило составить геоархеологическую шкалу второй половины сартанского времени.

Отмечается определенная дискретность в развитии культур конца позднего палеолита Байкальской Сибири в виде условных «культурных лакун». Одна такая лакуна прослеживается для интервала 18–16 (15,5) тыс. л. н.; вторая – для интервала 14,5–12,5 (12,8) тыс. л. н.; третья – для интервала 11,5–10,3 тыс. л. н. Археологические объекты в пределах этих лакун немногочисленны. К первой лакуне можно отнести верхние комплексы Красного Яра 1 в долине Ангары и Бельск-Залог в долине р. Белой; третью лакуну в какой-то мере заполняют материалы Макарово 2 и Большого Якоря 1. Археологически не обеспеченным является период 14,5–12,8 (12,5) тыс. л. н., поскольку отсутствуют объекты с таким возрастом. Наиболее репрезентативно представлены геоархеологические объекты возрастом 16 (15,5)–14,5 тыс. л. н. и 12,8 (12,5)–11,8 (11,5) тыс. л. н.

Для заключительной стадии позднего палеолита отмечается две морфотехнологические традиции: одна связана с использованием пластин в качестве заготовок орудий, вторая – с использованием различных сколов для тех же целей. В комплексе первой традиции клиновидные нуклеусы сочетаются с плоскофронтальными нуклеусами со скошенной площадкой для снятия круп-

ных и средних пластин. Здесь отмечается представительная серия изделий с шипами и выемками, овальные бифасы. Для второй традиции характерно большое разнообразие форм нуклевидной обработки – призматические, каре-ноидные и клиновидные; присутствие характерных бифасов полулунной формы. Особенно ярко различия морфотехнологических традиций проявляется в материалах хроногруппы 16 (15,5)–14,5 тыс. л. н.

Но в то же время между комплексами с разными традициями существуют и общие черты (сочетание призматической техники и техники клиновидного нуклеуса; наличие крупных ретушированных пластин; трансверсальных резцов; овальных бифасов; чопперов, иногда чоппингов; рубящих орудий), которые в более поздних хроногруппах проявляются отчетливее. Изделия из кости и украшения присутствуют в комплексах всех хроногрупп заключительной стадии позднего палеолита.

Для каждой хроногруппы характерно определенное размещение стоянок на местности, связанное с особенностями стратегий освоения пространства. Имеются вариации в организации мест обитания.

Неолитический «археологический перерыв». В исследованиях неолита Байкальской Сибири традиционно сложились две почти независимые линии исследований: исследования погребальных комплексов и исследования стояночных комплексов. К началу 50-х гг. XX в. материалы многочисленных могильников неолита и раннего бронзового века Прибайкалья были обобщены А. П. Окладниковым в двух монографиях [Окладников, 1950, 1955]. В результате для неолита Прибайкалья по погребальным комплексам выделены культуры и (или) последовательно сменяющие друг друга стадии неолита – бронзового века: хиньская, исаковская, серовская, китойская, глазковская. Эта схема долгое время считалась эталонной (классической), с ней коррелировались материалы практически всей Восточной Сибири. Одновременно с выходом этих обобщающих работ возникла дискуссия о соотношении и возрасте выделенных культур (стадий). М. М. Герасимов определил китойскую культуру как ранне-неолитическую и объединил серовскую и глазковскую культуры в единую серовскую [Герасимов, 1955, с. 415, 445; Герасимов, Черных, 1975, с. 13, 47]. Эта дискуссия продолжалась длительное время [см. обзор Мамонова, Сулержицкий, 2008], пока не появились первые ¹⁴C-даты остеологического материала из погребений [Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989], по которым подтвердились положения, высказанные М. М. Герасимовым. Китойская культура была определена как самая ранняя неолитическая; исаковская и серовская оказались синхронными, а глазковская на ранних этапах сосуществовала с исаковско-серовскими комплексами. При этом между ранне-неолитической китойской культурой и серовско-исаковскими комплексами зафиксирован временной разрыв в 300–500 лет [Мамонова, 2003].

Интенсивные исследования многослойных стоянок с неолитическими комплексами начались с 70-х гг. XX в. Практически сразу же была высказана «крамольная» для того времени идея о довольно раннем возрасте и о западном происхождении определенного типа керамики [Савельев, Медведев, 1973], которая в дальнейшем была определена как «усть-бельская», а други-

ми археологами соотносилась с китайской культурой [Окладников, 1974; Георгиевская, 1989]. Результаты многолетних исследований многослойных неолитических комплексов позволили выделить определенные керамические группы, так называемые «керамические пласты», которые отражают морфотехнологическое единство, проявляющееся в приемах и стилях оформления сосудов как отражение какой-то общности [Бердникова, 1986; Савельев, 1989]. Но генезис этих групп, их становление, развитие и культурная позиция до сих пор дискуссионны.

Для неолита Байкальской Сибири выделены следующие керамические пласты: сетчатый, хайтинский, посольский, усть-бельский (казачинско – усть-бельский), пунктирно-гребенчатый [Бердникова, 1986; Неолит Северной Евразии ..., 1996; Савельев, 1989]. Два первых пласта отнесены к раннему неолиту, но, следует отметить, что сетчатая керамика имеет свое продолжение и в более позднее неолитическое время, иногда вплоть до эпохи бронзы. При этом она имеет широкое территориальное распространение, кроме территории Байкальской Сибири она характерна и для раннего неолита Якутии (сыялахская культура). Для хайтинского пласта (с оттисками шнура и своеобразным прочерченным орнаментом) продолжается процесс уточнения ареала и временного диапазона его существования [Горюнова, Новиков, Вебер, 2011]. Не ясно его соотношение с другими шнуровыми комплексами Восточной Сибири, такими как посольский и белькачинский. Наиболее проблематичными в исследованиях явились посольский и усть-бельский (казачинско-усть-бельский) комплексы [Генералов, 1979а, 1979б; Савельев, 1989; Савельев, Генералов, Абдулов, 1984].

В результате многолетних исследований к началу 90-х гг. XX в. в неолите Байкальской Сибири сложилась следующая проблемная ситуация:

- на основе ¹⁴С-датирования определились хронологически рамки и соотношение неолитических культур, выделенных по материалам погребений, которые в какой-то мере подтверждались и антропологическими данными;
- в их развитии определился хронологический разрыв, который требовал своего объяснения;
- сформировалась концепция развития неолитических культур по материалам поселений, на основе которых определены большие керамические территориально-хронологические общности; но было неясно их соотношение между собой, временное распределение территориальных групп, возможности соотнесения этих общностей в культурном плане;
- более четко определилась проблема связи погребальных и поселенческих комплексов в культурном плане.

С начала 90-х гг. XX в. на территории Байкальской Сибири началась реализация российско-канадской программы – Байкальский археологический проект (БАП) [<http://baikal.arts.ualberta.ca/>] по исследованию культур охотников-собирателей неолита – бронзового века Прибайкалья. Как пишет руководитель этой программы А. Вебер, главным фактором для организации этого проекта было наличие необыкновенно богатых археологических материалов по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья, уникального соче-

тания большого количества стоянок и могильников этого времени [Неолит и бронзовый век ..., 2004]. В основе построения данной программы была положена проблемная ситуация, которая четко выявилась после проведения радиоуглеродного датирования [Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989; Мамонова, 2003], т. е. существование хронологического разрыва между ранне-неолитической китойской культурой и средне-неолитическими серовской – исаковской культурами.

С самого начала БАП имел биоархеологическую направленность. Основное исследовательское внимание было направлено на:

1) реконструкцию условий палеосреды во второй половине голоцена: климатов и ландшафтов для оценки вариаций растительных и животных ресурсов;

2) биоархеологическое изучение антропологических коллекций – выявления болезней, патологий, маркеров стрессов, типов занятий, структуры питания по изотопным данным;

3) палеогенетические исследования разных культурных неолитических групп Байкальского региона;

4) этнографические и этноархеологические исследования по сбору данных о традиционных и современных охотниках-собираателях Байкальского региона для составления аналоговых моделей.

Перерыв (хиатус) в развитии неолитических культур Байкальского региона в интервале между 6100–5300 л. н. (радиоуглеродный возраст) или 6900–6200 л. н. по календарному возрасту рассматривался как реально существовавший биокультурный феномен, т. е. в этот период Байкальский регион не был заселен [Weber, Link, Katzenberg, 2002]. На основе этой базовой концепции предложена культурно-историческая модель развития сообществ неолита – бронзового века Байкальской Сибири, подкреплённая многочисленными ¹⁴C-датами [Radiocarbon dates ..., 2006] (табл. 1).

Таблица 1

Сводная первоначальная культурно-историческая модель развития культур неолита – бронзового века Байкальской Сибири [Weber, Link, Katzenberg, 2002; Radiocarbon dates..., 2006; Prehistoric..., 2003, 2010]

Период	Культурно-погребальные комплексы	Радиоуглеродный возраст, от н. д.	Календарный возраст, от н. д.
Поздний мезолит	Ранний китой	8000–7000	8800–7800
Ранний неолит	Поздний китой	7000–6100	7800–6900
Средний неолит	Хиатус (отсутствие явных могильников)	6100–5300	6900–6200
Поздний неолит	Ранние исаково/серово-глазково	5300–4880/4400	6200–5400/5000
Бронзовый век	Поздние исаково/серово-глазково	4880/4400–3300	5400/5000–3000

Вся исследовательская программа БАП формировалась вокруг средне-неолитического перерыва. В изучениях палеосреды и прежде всего палеоклиматов были использованы математические палеоклиматические модели, дополненные результатами исследований по наземным и озерным разрезам [Реконструкция динамик ..., 2007; Безрукова, Тарасов, Ридель, 2009; Prehistoric Foragers ..., 2003, Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010]. В результате интервал хиатуса получил климатическое обоснование как период, для которого была характерна довольно высокая аридность климата, сопровождающаяся значительным повышением температурного режима. И именно такая климатическая ситуация и привела к кардинальным культурным перестройкам в регионе, выраженным в отсутствии населения в интервале около 1000 лет.

Биархеологические исследования позволили сделать выводы о принципиальных различиях между дохиатусными (китойскими) и послехиатусными (исаковско/серовско-глазковскими) популяциями и их образами жизни [Вебер, Линк, 2001; Prehistoric Foragers ..., 2003, Prehistoric Hunter-Gatherers..., 2010; Weber, Link, Katzenberg, 2002; Weber, Bettinger, 2010]. Эти две большие группы отличались друг от друга формами существования, структурами питания, системами передвижения, формами социальной активности, демографическими структурами, социальными связями, погребальными практиками [Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010, p. XVII].

Ранне-неолитические китойские популяции состояли из небольших изолированных групп, которые сезонно меняли место обитания в пределах небольших территорий. Такая система адаптации предполагает низкую трансрегиональную подвижность групп и круглогодичный контроль за ресурсами в пределах определенных территорий. Для этих популяций был характерен обедненный пищевой рацион с преобладанием рыбы. Микрорегиональная неравномерность распределения этого пищевого ресурса формировала культурную гетерогенность. На позднем этапе китойцы испытали демографический застой или даже упадок, поскольку для их социальной динамики был характерен половозрастной дисбаланс и ведущую роль в распределении пищевых ресурсов имели мужчины. При этом популяции сталкивались с серьезным дефицитом пищевых ресурсов. Изолированность китойских групп приводила к генетической изоляции, ухудшению здоровья популяции, уменьшению сроков продолжительности жизни, сокращению воспроизводства, слабости социальной структуры, которая была обусловлена физическим и сексуальным дисбалансом.

Послехиатусные (исаковско/серовско-глазковские) популяции отличались от китойских большей культурной гомогенностью, имели большую мобильность и более плотно заселяли территории. У них было больше межгрупповых контактов, более сбалансированная половозрастная и социальная структура. Они использовали более разнообразные способы добычи пищи, и, следовательно, их пищевой рацион был более разнообразен. Отмечается более высокий уровень здоровья популяций, меньшая физическая нагрузка. Высокая мобильность этих групп этой популяции могла способствовать ее росту и стабильности в результате миграции и генетического дрейфа.

Палеогенетические исследования, проведенные в рамках БАП по анализу mtDNA и HVI-полиморфизму, показали, что китойцы и исаковско/серовско-глазковские популяции обладали самостоятельными матрилинейными структурами и что это доказывает отсутствие у них родства по линии предок–потомок. Значительное биологическое расстояние между китойцами и современными прибайкальскими группами и их сходством с группами бассейнов Енисея и Оби позволило сделать исследователям БАП вывод, что китойские популяции покинули Байкальскую Сибирь. Исаковско/серовско-глазковские группы, заселившие регион через почти через 1000 лет после китойцев, имеют матрилинейное родство в линии предок–потомок с более поздним хуннским населением с территории Монголии [Matrilineal affinities ..., 2005; Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010].

Таким образом, концепция реально существовавшего хиатуса в развитии неолитических культур в Байкальском регионе вроде как нашла подтверждение по комплексным данным. Послехиатусные неолитические популяции в Байкальском регионе сформировались за счет прихода новых популяций «номадов» с юга, с территории Монголии.

В процессе реализации проекта предложенная модель претерпела некоторые трансформации. В дальнейшем ранее выделявшиеся по погребальным комплексам отдельные культуры были определены как погребальные традиции. При этом были выделены мезолитические традиции (хиньская, шукинская) и погребальные традиции неолита – бронзового века (китойская, исаковская, серовская, архаическая, глазковская) [Базалийский, 2005; Bazaliiskii, 2010].

Наряду с термином хиатус (hiatus – пробел, пропуск) для обозначений культурной ситуации среднего неолита использовался термин «discontinuity» (разрыв, перерыв последовательности) [Weber, Link, Katzenberg, 2002]. И средний неолит стал рассматриваться как период биокультурного разрыва (discontinuity) или как переходный период (transition), во время которого отмечаются пробелы именно в погребальных традициях и комплексах [Weber, Bettinger, 2010; Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010, p. XVII]. Была предложена новая модель развития культур неолита – бронзового века Байкальской Сибири [Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010, p. 32] (табл. 2).

В этой модели развитие культур на территории Байкальской Сибири показано дифференцированно по микрорегионам. Определена территориальная дифференциация систем жизнедеятельности как для раннеолитических (дохиатусных), так и для более поздних (послехиатусных) популяций. Отмечается территориальная неравномерность китойских групп по структуре жизнедеятельности: для китойских популяций Верхней Лены и Малого моря Байкала, в отличие от популяций долины Ангары и Южного Байкала, характерно преобладание охоты на наземных животных, рыбная ловля имела подчиненное значение [Weber, Bettinger, 2010]. Для популяций позднего неолита и бронзового века исследования по структуре питания показали, что, несмотря на общие отличия от раннеолитических китойских групп, их структура питания зависела от специфики ресурсов территории обитания [Prehistoric Hunter-Gatherers ..., 2010, p. 175–191].

Таблица 2

Новая культурно-историческая модель развития культур неолита –
 бронзового века Байкальской Сибири

Период	Погребальные традиции	Ангара, Южный Байкал, cal BP	Верхняя Лена, cal BP	Малое море (Байкал), cal BP
Поздний мезолит	Отсутствие явных могильников	8800–7800	8800–7800	8800–7800
Ранний неолит	Китойская и другие	8000–7000/6800	8000–7200	8000–7200
Средний неолит	Отсутствие явных могильников	7000/6800–6000/5800	7200–6000/5800	7000/6800–6000/5800
Поздний неолит	Тесно взаимосвязанные исаковская, серовская	6000/5800–5200	6000/5800–5200/5000	6000/5800–5200/5000
Бронзовый век	Тесно взаимосвязанная глазковская	5200/5000–4000	5200/5000–3400	5200/5000–4000

Два периода – поздний мезолит и средний неолит – в новой модели воспринимается как равнозначные, но в объяснениях отмечается, что две погребальные традиции позднего мезолита выделены по отдельным немногочисленным одиночным погребениям или небольшим по численности могильникам. А средний неолит все также представляет собой культурный разрыв и не обеспечен захоронениями, могильниками и погребальными традициями [Pre-historic Hunter-Gatherers ..., 2010; Weber, Bettinger, 2010].

Дискуссия

Рассмотренные выше «археологические перерывы» в исследованиях древних культур Байкальской Сибири сформировались в результате сочетания факторов, которые были определены выше. Так называемое отсутствие на территории Байкальской Сибири культур 17–12 тысячелетий, связано, с одной стороны, с недостаточной изученностью территории, а с другой стороны, с определенными концептуальными исследовательскими установками. Одной из важных позиций для археологических построений является установление возраста культурных комплексов. Остатки стоянок или мест обитания включены в разновариантные культуровмещающие отложения, и поэтому их возраст соотносится с возрастом последних. Определение стратиграфической и хронометрической позиций культурных комплексов и привязка их к внешней хронометрической шкале является одним из основополагающих принципов в исследованиях геоархеологических объектов. До широкого использования ¹⁴C-датирования установление возраста археологического материала происходило только по их положению в культуровмещающих толщах и слоях и биостратиграфическим данным.

По долинам рек возраст рыхлых отложений на разных высотах, как правило, связывался с гипсометрическим положением уровней или надпойменных террас, в которых, как считалось, генетически разные типы отложений в теле той или иной террасы накапливались в определенные хроноинтервалы. Поэтому положение культурных остатков в тех или иных слоях и определяло их возраст, для этого только необходимо было точно определить порядковое место террасы и установить генетический тип отложений.

К началу 80-х гг. XX в. выделено несколько вариантов стратиграфических позиций комплексов известных археологических объектов конца позднего палеолита: 1) в финальных отложениях пойменного аллювия I надпойменной террасы; 2) в покровных отложениях II–V надпойменных террас [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964; Мезолит Верхнего Приангарья, 1971; Равский, 1972; Цейтлин, 1979]. Эти комплексы обозначались как мезолитические, нижняя хронологическая граница которых определялась в 13–12 тыс. л. н. [Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1975]. Такие датировки обосновывались и биостратиграфическими данными. В культурных комплексах этих археологических объектов отмечается фауна современного вида и отсутствуют типичные представители позднплейстоценового фаунистического комплекса: мамонт, шерстистый носорог, хотя и отмечаются остатки северного оленя, бизона и лошади.

Проведенные с конца 70-х гг. XX в. детальные педолитологические исследования, подкрепленные различными датировками, огромного количества разрезов отложений, в том числе и геоархеологических объектов, на территории Байкальской Сибири, позволили детализировать региональные природные процессы в позднем плейстоцене – голоцене и представить их в детальной климато-стратиграфической схеме [Стратиграфия, палеогеография ..., 1991; Воробьева, 2010]. Региональная специфика динамики палеоклиматических ситуаций, закономерностей проявления климатообусловленных процессов выражена в ряде типичных стратиграфических ситуаций прежде всего субэаральных отложений. Они позволили более четко определить возраст культуровмещающих отложений ряда уже известных (например, нижние слои Усть-Белой; Кулаково I), так и датировать комплексы новых позднпалеолитических объектов (Мальта-Мост I, Бельск – Залог, Бадай V, Галашиха и др.) и заполнить существовавший финальнопалеолитический перерыв на территории Байкальской Сибири [Воробьева, 1991, 1992; 2001 Воробьева, Медведев, 1984, 1998].

Нашло свое подтверждение и мнение, высказанное Н. М. Ермоловой, что основные представители мамонтового фаунистического комплекса – шерстистый носорог и мамонт на юге Байкальской Сибири (Прибайкалье) – не встречаются в отложениях среднего и позднего сартана [Ермолова, 1978, с. 92, 113]. Процесс формирования современного фаунистического комплекса в Прибайкалье начался в середине сартанского времени, а не на рубеже плейстоцена – голоцена [Малимонова, 1994], поэтому наличие этой фауны в составе археологических комплексов не является однозначным основанием отнесения их к голоцену.

В течение сартанского времени на территории Байкальской Сибири отмечается высокая интенсивность геодинамических процессов и серия катаклизмов, в результате которых происходили серьезные перестройки рельефа. К ним можно отнести и формирование основных магистральных водотоков Ангары и Верхней Лены. В результате геоархеологических исследований зафиксированы разнообразные следы тектонической активности: локальных селевых потоков; существования и спуска озер; подтопления и размыва отдельных участков долины; оползней. Ярко выраженная активизация тектонических процессов отмечается 20–19, 14,5–14, 11,8–11,5 тыс. л. н. [Следы импульсных ..., 2004; Результаты изучения деформаций ..., 2006; К вопросу об активности..., 2005; Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998; Воробьева, 2010; Воробьева, Бердникова, 2008; Воробьева, Медведев, 1998; Погребенные палеосейсмодислокации ..., 2001].

С этими событиями синхронизируются культурные лакуны в развитии позднепалеолитических культур Байкальской Сибири, которые вряд можно связать с исходом древнего населения и в дальнейшем необитаемостью этих территорий (табл. 3). Скорее всего, эти геодинамические процессы оказывали сильное влияние на стратегии освоения территорий – изменялись географическое положение мест обитания на разных хроносрезях завершающей стадии позднего палеолита; и лишь в конце наблюдается определенная устойчивость выбора места обитания, выраженная в мультислойчатости некоторых археологических объектов [Бердникова, Воробьева, 2005, 2006; 2011].

Таким образом, отсутствие или малочисленность археологических объектов в определенных временных интервалах сартана на юге Байкальской Сибири обусловлено природными катаклизмами на территории Байкальской Сибири, приведшим к изменениям стратегий жизнеобеспечения. И эту ситуацию можно интерпретировать как культурный адаптационный отклик на резкие, катастрофические перестройки природных обстановок.

Появление модели неолитического «перерыва» или хиатуса на территории Байкальской Сибири, активно разрабатывающейся в рамках БАП, обусловлено прежде всего концептуальными установками исследователей. На это обратил внимание в своей статье Я. В. Кузьмин, в которой он, анализируя проблему неолитического «перерыва», рассматривает вопрос, является ли он искусственным конструктом (artifact) или реальным явлением (pattern) [Kuzmin, 2007].

Одной из узловых проблем этой модели является радиоуглеродный «перерыв», что в какой-то мере подтверждается более чем 500 ¹⁴C-дат погребенный неолита – бронзового века Байкальской Сибири, полученными как российскими, так и канадскими исследователями [Мамонова, 2003; Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989, 2008; Radiocarbon dates ..., 2006]. В действительности же для построения концепции БАП был использован только один тип источников – погребения, и почти никак не учтены стояночные материалы. То есть наблюдается логическая ошибка, которую можно сформулировать как «если нет мертвых, то и не было живых». При этом априори принимается, что во все периоды неолита – бронзового века погребальная практика была аналогичной, и для мест захоронений выбирались близкие по орографическим признакам территории.

Таблица 3

Корреляция природных и культурных событий второй половины позднего плейстоцена МИС-2 (сартан) на территории Байкальской Сибири (интервалы сартанского горизонта и их климатические характеристики даны по Г. А. Воробьевой [2010]). Возраст радиоуглеродный

Интервалы сартанского горизонта, тыс. л. н.	Природные события, тыс. л. н.		Культурная ситуация, тыс. л. н.
	Климат	Проявление природных катаклизмов	
sr ² 18–16	Потепление, активизация почвообразования	>18 – сход коллювиально-солифлюкционных потоков ~18 – вертикальная трещиноватость, без смещения	18–16 – редкое проявление культуры
sr ³ 16–14,5	Аридизация, чередование волн похолоданий и потеплений, почвообразование	не установлено	15,5–14,5 – две морфотехнологические традиции: пластинчатая и отщеповая; расположение объектов в зонах ветровых теней независимо от водотока
sr ⁴ 14,5–10,3 тыс. л. н.			
14,5–12,5(12,8)	Криоаридные обстановки	14,5–14 – размыв 14 – сбросы с амплитудой до 40 см, палеоземлетрясение	14,5–12,5(12,8) – редкое проявление культуры
12,5(12,8)–11,8	Потепление; неоднократное почвообразование, колебания; увлажненности, периодическое усиление эоловых процессов	~ 12 – глинки трения (глинки тектонические), наклонная трещиноватость, без смещения; сход коллювиально-солифлюкционных потоков; размыв, сбросы; окончательное формирование Ангарского стока	12,5(12,8)–11,8 – продолжение техноморфологических традиций предыдущего периода, расположение объектов в береговой части водотоков
11,8–10,3	усиление криорадности и эоловых процессов	не установлено	11,8(11,5)–10,3 – редкое проявление культуры
10,5–10,3	резкое и глубокое похолодание	не установлено	

Стояночные комплексы этого времени, представленные в ряде многослойных местонахождений, несмотря на определенную дискретность, показывают непрерывное развитие культур неолита – бронзового века на территории Байкальской Сибири и отражают определенную смену культурных си-

туаций, которые хорошо фиксируются прежде всего по смене керамики. Ранне-неолитическую керамику (сетчатую и шнуровую хайтинскую) на юге Байкальской Сибири и побережьях Байкала в среднем неолите сменяет усть-бельская и шнуровая посольская.

В настоящее время наиболее ранние (датированные) в интервале 7,0–6,5 тыс. л. н. (радиоуглеродный возраст) проявления посольской и усть-бельской керамики известны на западе от Байкальской Сибири в бассейне Енисея на стоянке Казачка и в пещере Еленева [Бураков, Начасова, Генералов, 1996; Макаров, 2005; Савельев, 1989]. Ареалы распространения этих керамических пластов занимают территории от Енисея до Байкала [Савельев, 1989]. В последние годы интенсивно происходит их расширение. Посольская и усть-бельская керамика зафиксирована на ряде местонахождений Северного Приангарья [Результаты полевых исследований ..., 2011; Герман, Леонтьев, 2011; Долганов, 2011; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2011; Савельев, Тимошенко, Бадмаев, 2011]. Посольская керамика известна и на территории Монголии, в том числе и в восточной ее части (устное сообщение Н. В. Цыденовой, 2011). Темпы процесса проникновения с запада на территорию Прибайкалья иных культур пока установить затруднительно. Имеющиеся данные не в полной мере позволяют нам ответить, были ли это относительно быстрые передвижения инокультурного населения, которые можно рассматривать как миграции [Савельев, Медведев, 1973], или как более медленные формы «перемещений» [Соффер, 1997].

Имеющиеся ^{14}C -даты для комплексов с посольской и усть-бельской керамикой на прибайкальских территориях показывают их существование здесь в интервал «хиатуса» модели БАП [Бердникова, 2001; Бердников, Бердникова, 2007; Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011]. Отсутствие погребальных комплексов в этот интервал свидетельствует не об отсутствии населения, а об иной погребальной практике, отличной от ранне-неолитической китойской. Можно предположить, что инокультурное население не использовало для организации своих некрополей территории, которые, в какой-то мере, по своим орографическим и топографическим позициям были аналогичны сакральным территориям ранне- и поздне-неолитического населения Байкальской Сибири или у них существовала иная погребальная практика.

Проникновение на прибайкальские территории инокультурного населения (или формирование «хиатуса») вряд ли было связано с изменениями природно-климатических обстановок в конце оптимума голоцена. Средний голоцен (атлантический период, радиоуглеродный возраст 8–4,9 тыс. л. н.) по наземным разрезам характеризуется благоприятными климатическими условиями, оптимизация которых происходила в позднеатлантическое время (радиоуглеродный возраст 6–4,9 тыс. л. н. – период «хиатуса») [Воробьева, 2010]. Характер почв этого времени свидетельствует не только о достаточно высоком температурном режиме, но и хорошем уровне увлажненности, в отличие от аридных характеристик климата этого периода, представленных в климатической компоненте БАП. Это отмечает и Я. В. Кузьмин, говоря о том, что данные о климате и растительности, опубликованные в ряде работ, пока-

зывают, что в Байкальском регионе в середине голоцена не происходило существенных климатических изменений, и не было резких климатических аномалий [Kuzmin, 2007, p. 125].

Ареал инокультурных компонентов (комплексов с усть-бельской и польской керамикой) показывает, что осваивались разнообразные ландшафтные ситуации – степные, лесостепные, таежные. Это свидетельствует о высоком уровне адаптационной пластичности населения к изменениям природных обстановок.

Палеогенетические данные БАП прямо противоположны результатам таких же исследований, проведенных российскими генетиками по мтДНК (mtDNA) [Молекулярно-генетическая характеристика ..., 1997; Рычков, Наумова, 1999; Рычков, 2004]. Они показали, что ранне- и поздненеолитические популяции Прибайкалья имеют тесную генетическую связь, и это генетическое родство можно рассматривать как преемственность. Оно прослеживается между популяциями на «уровне некоего женского субстрата» [Рычков, 2004, с. 79], т. е., в отличие от выводов БАП, речь может идти о наличии в этих популяциях родственных матрилинейных структур. В пользу этого положения свидетельствуют и результаты анализа суммарных краниологических серий, которые указывают на то, что между женскими черепами из китойских и исаково-серовских неолитических могил наблюдается большее сходство, чем между ними и женскими же черепами из более поздних погребений эпохи ранней бронзы. И можно говорить о родственности этих групп в отношении предок-потомок [Рычков, 2004; Генетико-демографическая характеристика ..., 2007].

Несомненными достоинствами в реализации Байкальского археологического проекта являются получение достаточно обширного корпуса новых данных по археологии, природным обстановкам голоцена Байкальской Сибири, биоархеологии, палеогенетике неолитических популяций; формирование большого массива радиоуглеродных дат по погребальным, стояночным комплексам, разрезам голоценовых отложений Байкальской Сибири; моделирование адаптационных стратегий неолитических популяций Байкальской Сибири; широкая презентация материалов и результатов исследований неолита – бронзового века Байкальского региона мировому научному сообществу.

Но в то же время данные и результаты БАП не внесли ничего принципиально нового во взгляды на культурную ситуацию в среднем голоцене Байкальского региона. Я. В. Кузьмин [Kuzmin, 2007] отметил, что массовые ^{14}C AMS-даты, полученные в рамках БАП, практически не изменили предыдущие хронологии неолита Байкальской Сибири, предложенные российскими исследователями [Мамонова, 2003; Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989; 2008]. В рамках этого проекта практически не удалось решить проблему соотношения материалов погребений и поселений, несмотря на проведенный недавно анализ керамических пластов и керамических комплексов Байкальской Сибири [Ceramics before Farming ..., 2009].

Созданные в рамках БАП адаптационные модели отличает некоторая спекулятивность. Они не в полной мере обеспечены теоретико-методо-

логическими основами, логической оценкой достоверности выводов. За пределами этих моделей остался обширный корпус данных по неолиту и бронзовому веку Байкальского региона, которые свидетельствуют о более сложном и разнообразном культурном развитии этой территории в середине голоцена.

Заключение

Рассмотренные здесь две ситуации «археологических перерывов» показали, что в их основу положены концептуальные установки исследователей. Первая ситуация, связанная с культурами заключительной стадии позднего палеолита Байкальской Сибири, была обусловлена прежде всего концепциями определения возраста культуровмещающих отложений в рамках аллювиальной теории, и, в какой-то мере, недостаточной изученностью территории. Расширение корпуса археологических местонахождений финала плейстоцена, использование событийного и педолитологического подходов в исследованиях рыхлых отложений [Воробьева, 2010] в сочетании с ^{14}C -датами позволили наметить объяснительные модели существования археологических перерывов на заключительных стадиях позднего палеолита Байкальской Сибири и выйти на определенные природные палеоситуации, которыми можно объяснить археологические лакуны в этот период.

Вторую ситуацию, или модель «неолитического хиатуса», можно определить, по меткому замечанию Я. В. Кузьмина, как искусственный конструкт (artifact) [Kuzmin, 2007], поскольку все исследования, проведенные в рамках БАП, были направлены на подтверждение этого перерыва как реально существовавшего явления в форме отсутствия населения в Байкальском регионе в среднем неолите. При этом данные и материалы, не соответствующие и противоречащие этой модели, не принимались во внимание и практически игнорировались, хотя именно они свидетельствуют о наличии особой культурной ситуации в среднем неолите Байкальского региона. Модель «хиатуса» БАП можно определить как современный культурный феномен, который возник в рамках определенной концепции.

Анализ этих двух ситуаций показал, что «археологические перерывы» могут формироваться по различным причинам и определяться конкретными ситуациями. И вряд ли является корректным замечание Н. Роланда, что подходы модели «неолитического хиатуса» БАП могут быть использованы «для объяснения перехода от среднего к верхнему палеолиту» [Роланд, 2003]. Тем не менее, малочисленность или отсутствие археологических объектов («археологический перерыв») в определенных хронологических срезах на той или иной территории, отражают неординарность природных и социокультурных событий и требуют повышенного исследовательского внимания для построения объяснительных моделей сложившихся ситуаций.

Список литературы

Аксенов М. П. Верховенская гора – памятник каменного века Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. П. Аксенов – Новосибирск, 1969. – 25 с.

Базалийский В. И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири / В. И. Базалийский // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 35–42.

Безрукова Е. В. Климатически обусловленные изменения природной среды юга Восточной Сибири в МИС 1-3 / Е. В. Безрукова, П. Е. Тарасов, Ф. Ридель // Геология морей и океанов : материалы XVIII Международной научной конференции (Школы) по морской геологии. – Т. 1. – М., 2009. – С. 134–138.

Бердников И. М. Усть-Бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 51–58.

Бердникова Н. Е. Природные процессы и динамика освоения пространства древним человеком (на примере приустьевых участков р. Белой) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 24–35.

Бердникова Н. Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы / Н. Е. Бердникова // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – Т. 2: Бельский геоархеологический район. – С. 113–146, 210–240.

Бердникова Н. Е. Заключительная стадия позднего палеолита Байкальской Сибири / Н. Е. Бердникова // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород : Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 26–27.

Бердникова Н. Е. К вопросу о культурной дифференциации финальноплейстоценовых – раннеголоценовых комплексов Прибайкалья / Н. Е. Бердникова // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее / Материалы региональной научно-практической конференции. 12–15 ноября 2003 г. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 40–45.

Бердникова Н. Е. Новое палеолитическое местонахождение в долине реки Белой (Прибайкалье) / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 года. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 39–43.

Бердникова Н. Е. Новые материалы по позднеледниковью долины р. Белой (культура, хронология) / Н. Е. Бердникова // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – С. 17–27.

Бердникова Н. Е. Особенности культурных комплексов позднеледниковья в долине р. Белой (юг Байкальской Сибири) / Н. Е. Бердникова // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 73–75.

Бердникова Н. Е. Особенности позднеледниковых систем жизнедеятельности (жизнеобеспечения) в Прибайкалье / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева // Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – С. 117–122.

Бердникова Н. Е. Позднеледниковые археологические культуры Прибайкалья / Н. Е. Бердникова // II Северный археологический конгресс. – Екатеринбург : Чароид, 2006. – С. 10–11.

Бердникова Н. Е. Роль природной обстановки в освоении территорий древним человеком (на примере долины р. Белой, Прибайкалье) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 164–166.

Бердникова Н. Е. Усть-бельский керамический пласт (к постановке проблемы) / Н. Е. Бердникова // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири : тез. докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ, 1986. – Ч. II. – С. 36–39.

Бердникова Н. Е. Хронология и хронометрия позднеледниковых (финальнопалеолитических) культур юга Байкальской Сибири / Н. Е. Бердникова // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2002. – С. 19–24.

Бураков К. С. Запись вариаций геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника Казачка / К. С. Бураков, И. Е. Начасова, А. Г. Генералов // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. – М. : Изд-во ОИФЗ РАН, 1996. – С. 15–18.

Вебер А. В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения / А. В. Вебер, Д. В. Линк // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 135–146.

Воробьева Г. А. Природные и культурные феномены Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена / Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. : Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 53–55.

Воробьева Г. А. Низкие террасы долин рек Байкало-Енисейской Сибири и оз. Байкал / Г. А. Воробьева, Г. И. Медведев // Генезис рельефа. – Новосибирск : Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. – С. 144–153.

Воробьева Г. А. Палеогеографические условия формирования и строения отложений на многослойном памятнике каменного века Сосновый Бор / Г. А. Воробьева // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 15–25.

Воробьева Г. А. Палеогеография позднего плейстоцена Байкало-Енисейской Сибири / Г. А. Воробьева // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск, 1992. – С. 45–49.

Воробьева Г. А. Палеоклиматические сигналы позднеледникового и раннеголоценового времени в почвах Прибайкалья / Г. А. Воробьева // Четвертая Всероссийская конф. «Проблемы эволюции почв» : тез. докл. – М. : Полтэкс, 2001. – С. 99–101.

Воробьева Г. А. Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири / Г. А. Воробьева, Г. И. Медведев // Руководство. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – Ч. 1 : Плейстоцен. – 44 с.

Воробьева Г. А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв / Г. А. Воробьева. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 205 с.

Генералов А. Г. Геоархеологический объект Стрижовая гора : (стратиграфия, хронология, типология, технология) / А. Г. Генералов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – 153 с.

Генералов А. Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка / А. Г. Генералов // КСИА. – 1979а. – Вып. 157. – С. 43–47.

Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи : автореф. дис. ... канд. истор. наук / А. Г. Генералов. – Л., 1979б. – 21 с.

Генетико-демографическая характеристика неолитического населения Прибайкалья по данным о разнообразии митохондриальной ДНК / С. Ю. Рычков, О. Ю. Наумова, В. И. Базалийский, О. В. Жукова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 2. – С. 162–167.

Геоморфология и стратиграфия геоархеологического объекта Усть-Белая (основная площадь изучения) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, Е. Б. Ощепкова // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 26–36.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (ископаемый и современный человек) / М. М. Герасимов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.

Герасимов М. М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. / М. М. Герасимов, Е. Н. Черных // Первобытная археологии Сибири. – М. : Наука, 1975. – С. 23–48.

Герман П. В. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 381–385.

Горюнова О. И. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород : Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 125–127.

Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. И. Горюнова. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Гришин А. Е. К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье / А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород : Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 127–129.

Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита / А. П. Деревянко // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2005б. – № 2 (22). – С. 22–36.

Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии / А. П. Деревянко // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии : материалы докл. вед. ученых на V (L) Росс. (с междунар. уч.) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 50–65.

Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита / А. П. Деревянко // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы, факты. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 5–19.

Деревянко А. П. К проблеме обитания неандертальцев Центральной Азии и Сибири. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 72 с.

Деревянко А. П. Миграции, конвергенции, аккультурация в раннем палеолите Евразии / А. П. Деревянко // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии.* – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 25–47.

Деревянко А. П. Палеолитоведение : Введение и основы / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1994. – 288 с.

Деревянко А. П. Верхний палеолит Африки и Евразии и формирование человека современного анатомического типа / А. П. Деревянко. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Долганов В. А. Стоянка – могильник Отико I (обзор спасательных работ в 2011 году) / В. А. Долганов // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.* – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 396–399.

Ермолова Н. М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене / Н. М. Ермолова. – Новосибирск : Наука, 1978. – 220с.

Исследование нового палеолитического местонахождения Седова на территории Иркутска / Е. О. Роговской, Н. Е. Бердникова, А. А. Попов, Г. Н. Молчанов, А. М. Клементьев // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 года.* – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 190–193.

К вопросу об активности Ангарского разлома (на базе комплексного изучения разрезов рыхлых отложений) / А. В. Аржанникова, С. Г. Аржанников, Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова // *Тр. III интеграционной междисциплинарной конференции молодых ученых СО РАН и высшей школы (Иркутск, 17–21 окт. 2005 г.).* – Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2005. – Т. 1. – С. 16–19.

Когай С. А. Палеолитические местонахождения Ноты и Кирюшина / С. А. Когай, Е. Б. Ощепкова, Е. О. Роговской // *Антропоген, палеоантропология, георхеология, этнология Азии.* – Иркутск : Изд-во Отгиск, 2008. – С. 76–80.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996) / М. В. Константинов. – Улан-Удэ ; Чита : Совместное изд. Ин-та общ. наук БНЦ СО РАН и Чит. гос. пед. ин-та им. Н. Г. Чернышевского, 1994. – 179 с.

Лаухин С. А. Палеоклиматические и палеоландшафтные возможности заселения равнин и плоскогорий Северной Азии в севере от южного горного пояса Сибири / С. А. Лаухин, А. М. Фирсов // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии.* – 2010. – № 1 (12). – С. 216–225.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья / Н. Ф. Лисицын. – СПб : Центр «Петербургское востоковедение», 2000. – 232с.

Логачев Н. А. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. / Н. А. Логачев, Т. К. Ломоносова, В. М. Климанова. – М. : Наука, 1964. – 195 с.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи / Н. П. Макаров // *Известия лаборатории древних технологий.* – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 149–171.

Малимонова А. А. Формирование голоценовой фауны на юге Средней Сибири / А. А. Малимонова // *Байкал и горы вокруг него: (геология кайнозоя, новейшая тектоника и геологические памятники природы) : тез. докл. Иркут. геоморфол. семинара, октябрь 1994 г.* – Иркутск, 1994. – С. 99–100.

Мамонова Н. Н. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена / Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий // *СА.* – 1989. – № 1. – С. 19–32.

Мамонова Н. Н. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным / Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий //

Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы) : тез. докл. к регион. конф., 13–15 окт. 1986 г. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – С. 15–20.

Мамонова Н. Н. Датирование погребений неолита, энеолита и бронзы Прибайкалья методом радиоуглеродного анализа / Н. Н. Мамонова // Горизонты антропологии : тр. Междунар. научн. конф. памяти академика В. П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. – М. : Наука, 2003. – С. 426–430.

Мамонова Н. Н. Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу из могильников / Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий // Человек, адаптация, культура. – М. : Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 127–138.

Марченко Ж. В. Новые данные по поселенческим памятникам Северного Приангарья деревня Пашино и Камешок (работы Пашинских отрядов Богучанской экспедиции в 2011 году) / Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 443–447.

Медведев Г. И. К проблеме группировки геархеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири / Г. И. Медведев, Г. А. Воробьева // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий : материалы междунар. симпоз. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 148–159.

Медведев Г. И. Мезолит Верхнего Приангарья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. И. Медведев. – М., 1968. – 28 с.

Медведев Г. И. Мезолит юга Восточной Сибири / Г. И. Медведев, Г. Н. Михнюк, П. Е. Шмыгун // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1975. – Вып. 3. – С. 74–80.

Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. И. Медведев. – Новосибирск, 1983. – 44 с.

Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1971. – Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. – 242 с.

Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1980. – Ч. 2: Памятники Иркутского района. – 140 с.

Молекулярно-генетическая характеристика неолитической популяции Прибайкалья: Анализ ПДРФ древней мтДНК из костных останков в могильнике Усть-Ида I / О. Ю. Наумова, С. Ю. Рычков, В. И. Базалийский, Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий, Ю. Г. Рычков // Генетика. – 1997. – Т. 33. – № 10. – С. 1418–1425.

Некоторые итоги изучения палеолитического местонахождения Большой Нарын I, II. Осинский залив Братского водохранилища / К. Есида, Х. Като, С. А. Когай, Куникита, Е. А. Липнина, К. М. Максименко, Г. И. Медведев, В. М. Новосельцева, Е. Б. Ощепкова, А. А. Попов, С. Такао // Северная Евразия в антропогене : человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 2. – С. 5–9.

Неолит и бронзовый век Предбайкалья: некоторые теоретические и методологические проблемы / А. Вебер, Р. Бэттинджер, Д. Андерсон, Ф. Вамфорт, А. Буш, М. А. Катценбэрг, Т. Шурп // Вестн. ИрГТУ. – 2004. – № 4 (20). – С. 15–25.

Неолит Северной Евразии. – М. : Наука, 1996. – 379 с.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Николаев В. С. Погребальные комплексы Южного Приангарья первой половины II тыс. н. э. : (усть-галькинская культура) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. С. Николаев. – Владивосток, 2003. – 23 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 374 с. – (МИА. – № 43).

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети) / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1974. – 320 с.

Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы : дис. д-ра ист. наук / П. Ю. Павлов. – Сыктывкар, 2009. – 418 с.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. – Л. : Наука, 1991. – 160 с.

Палеолитическое местонахождение Герасимова I : новая жизнь Переселенческого пункта I / С. А. Когай, Е. А. Липнина, Г. И. Медведев, В. М. Новосельцева, Е. Б. Ощепкова, Ф. И. Хензыхенова, А. М. Клементьев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 18, ч. 1. – С. 110–113.

Погребенные палеосейсмодислокации на юге Сибирской платформы / А. В. Чипизубов, А. В. Аржанникова, Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова // Доклады РАН. – 2001. – Т. 379, № 1. – С. 101–103.

Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, К. Г. Леви, А. В. Аржанникова, Н. А. Савельев / Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск : РПЦ «Радиян», 2005. – С. 15–25.

Путь на Север : окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М. : Изд-во Ин-та географии РАН, 2008. – 309 с.

Равский Э. И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене / Э. И. Равский. – М. : Наука, 1972. – 334 с.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Н. Ф. Лисицын, Н. Д. Праслов, Ю. С. Свеженцев, А. А. Синицын, Л. Д. Сулержицкий. – СПб., 1997. – 143 с.

Результаты изучения деформаций рыхлых отложений на геoarхеологических объектах Зиминского и Усольского районов / А. В. Аржанникова, Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, С. Г. Аржанников // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. – Иркутск : Изд-во ИЗК СО РАН, 2006. – Вып. 5. – С. 75–84.

Результаты исследований палеолитического местонахождения Седова в Иркутске / Е. О. Роговской, Г. А. Воробьева, А. А. Попов, С. А. Когай // Вестн. НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 5. – С. 132–140.

Результаты полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье / А. В. Выборнов, Ю. А. Васильева, Д. В. Корытина, Ю. С. Михайлов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 377 – 380.

Реконструкция динамик природной среды в голоцене на основе высокоразрешающих пыльцевых записей из бассейна оз. Байкал в контексте возможного влияния

этих изменений на условия обитания человека / Е. В. Безрукова, П. П. Летунова, А. А. Абзаева, П. Е. Тарасов, Н. В. Кулагина., Ю. А. Забелина // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 42–50.

Роланд Н. Комментарий к статье М. Отта, Я. К. Козловского «Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии» / Н. Роланд // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 9–14.

Рычков С. Ю. Митохондриальный фонд и этно-исторические процессы: роль неолитического населения Прибайкалья в формировании современного коренного населения Восточной Сибири / С. Ю. Рычков, О. Ю. Наумова // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 548–551.

Рычков С. Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита : дис. ... канд. биол. наук / С. Ю. Рычков. – М., 2004. – 128 с.

Савельев Н. А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка 1 как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов // Проблемы исследования каменного века Евразии: (к 100-летию открытия палеолита на Енисее) : тез. докл. краев. конф. – Красноярск, 1984. – С. 136–142.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н. А. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая / Н. А. Савельев, Г. И. Медведев // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М. : Наука, 1973. – С. 60–63.

Савельев Н. А. Спасательные работы Пятого Усть-Илимского отряда на памятнике Сосновый мыс в 2011 году / Н. А. Савельев, А. А. Тимошенко, Д. А. Бадмаев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 457–462.

Следы импульсных тектонических движений на юге Иркутского амфитеатра / С. Г. Аржанников, А. С. Гладков, А. В. Аржанникова, О. В. Лунина, А. В. Чипизубов // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. – Иркутск : ИЗК СО РАН-ИрГТУ, 2004. – С. 153–162.

Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России / А. Н. Сорокин // РА. – 2006а. – № 2. – С. 91–98.

Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России / А. Н. Сорокин // РА. – 2006б. – № 4. – С. 87–94.

Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения / А. Н. Сорокин. – М., 2006в. – 214 с.

Соффер О. А. Динамика ландшафтов и социальная география позднего плейстоцена. Сравнение Кловиса и Костенок / О. А. Соффер // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М. : Ин-т географии РАН, 1997. – С. 115–126.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 165 с.

Тетенькин А. В. Элиты, землянки и могилы. В поисках понимания перспектив / А. В. Тетенькин // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С. 7–34.

Трифонов В. Г. Геодинамика и история цивилизаций. / В. Г. Трифонов, А. С. Караханян. – М. : Наука, 2004. – 668 с.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001б. – 199 с.

Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация (по материалам погребальных комплексов) : автореф. дис. ... докт. лист. наук / А. В. Харинский. – Владивосток, 2001а. – 46 с.

Харинский А. В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001в. – 238 с.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии / С. М. Цейтлин. – М. : Наука, 1979. – 284 с.

Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М. : Ин-т географии РАН, 1997. – 307 с.

Bazaliiskii V. Mesolithic and Neolithic Mortuary Complex in the Baikal Region / V. Bazaliiskii // Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. – Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 51–86.

Ceramics Before Farming: The Dispersal of Pottery Among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. – Walnut Creek : Left Coast Press, 2009. – 589 p.

Clark G. A. Migration as an Explanatory Concept in Paleolithic Archaeology / G. A. Clark // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1994. – Vol. 1, N 4. – P. 305–343.

Kuzmin Y. V. Hiatus in Prehistoric Chronology of the Cis-Baikal Region, Siberia: Pattern or Artifact? / Y. V. Kuzmin // Radiocarbon. – 2007. – Vol 49, N 1. – P 123–129.

Matrilineal affinities and prehistoric Siberian mortuary practices: A case study from Neolithic Lake Baikal / K. Mooder, A. W. Weber, F. Bamforth, A. R. Lieveise, T. G. Schurr, V. I. Bazaliiski, N. A. Savel'ev // Journal of Archaeological Science. – 2005. – Vol. 32(4). – P. 619–634.

Medvedev G. I. Upper Paleolithic Sites in South-Central Siberia / G. I. Medvedev // The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpretations. – Novosibirsk ; Chicago, 1998. – P. 122–137.

Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project. – Edmonton, 2003. – 215 p.

Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. – Philadelphia : University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – 320 p.

Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian / A. W. Weber, R. R. Beukens, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. A. Savel'ev // Radiocarbon. – 2006. – Vol. 48, N 1. – P. 127–166.

Weber A. Bioarchaeology of middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: an overview of recent results / A. Weber, R. Bettinger // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии : материалы докл. вед. ученых на V (L) рос. (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и мол. ученых. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 188–202.

Weber A. W. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia / A. W. Weber, D. W. Link, M. A. Katzenberg // Journal of Anthropological Archaeology. – 2002. – Vol. 21. – P. 230–299.

Archaeological «Breaks»: Interpretive Possibilities (Baikalian Siberia)

N. E. Berdnikova

Abstract. This article explores the presence of cultural lacunae (featuring little to no objects) or discontinuities during the final period of Paleolithic and Neolithic Baikalian Siberia. We compare two models for the development of archaeological cultures from this period and discuss the causes of archaeological “discontinuities”. We conclude that these discontinuities represent unusual natural and socio-cultural situations and require deeper research.

Key words: archaeological break (discontinuity), modeling, final period of the Paleolithic, Neolithic, Baikal Siberia.

Бердникова Наталья Евгеньевна – старший научный сотрудник, Иркутский государственный университет, научный сотрудник, Филиал Института археологии и этнографии СО РАН Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, nberd@yandex.ru

Berdnikova Natalia Evguen'evna – Senior Researcher, Irkutsk State University, Researcher, Branch of the Institute of Archeology and Ethnography Irkutsk Laboratory of Archaeology and paleoecology, SB RAS, 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, nberd@yandex.ru